

В городе, а в Красноперкопском районе в особенности, Фаину Алексеевну Шулепину знают тысячи людей. Даже Валентина Владимировна Терешкова, чья фотография с дарственной надписью хранится в семейном архиве дочери Фаины Алексеевны Шулепиной Эвелины. Шулепина долгие годы была директором школы № 32. Орден «Знак Почета», высокое профессиональное звание, доверие избирателей – итог ее деятельности на ниве педагогики. Но мало кто знает о личной трагедии этой несгибаемой женщины. Когда злоеящая тень войны накрыла 22 июня 1941 года нашу страну, она осталась с четырьмя несовершеннолетними девочками на руках: Гертрудой, Эвелиной, Риммой и Нелей. Муж Валерий Михайлович уже через несколько месяцев после отъезда на фронт погиб.

ДОЛОРЕС

С довоенных времен ее звали Долорес. В честь легендарной Долорес Ибаррури. Потрясающий темперамент, обжигающие горячим блеском глаза и необыкновенная щедрость души – такой запомнили Фаину Алексеевну Шулепину коллеги по школе и ученики.

На учительских конференциях, когда выступала Долорес, зал был забит до отказа. Она отдавала себя любимому делу без остатка. Тогда же состоялось знакомство с будущим мужем Валерием Шулепиным.

– Это были счастливые люди. Отец – романтик, мама – человек деловой, сгусток энергии. И оба – влюбленные в жизнь, – рассказывает дочь Фаины Алексеевны Эвелина. – В сороковом году мы получили квартиру на Таборской улице. Радости не было предела. Комнаты на солнечной стороне, с балконом. До этого семья обитала в коммуналке при второй школе.

Таборская была маленькой улочкой, где стояло несколько деревянных домов, утопающих в зелени садов. Жители гордились, что живут там, где когда-то стояло ополчение Мини-

на и Пожарского, его тогда называли табором.

– Папа был веселый, добрый и романтичный человек, – вспоминает дочь. – Очень любил стихи Есенина. Взгляните на его фото тех лет. Он даже чем-то напоминал поэта. Закончил в столице студию режиссера Юрия Завадского, одного из талантливых учеников Вахтангова.

Началась эпоха ТРАМов. Театры рабочей молодежи росли как грибы. Один из них возглавил Шулепин, работавший под псевдонимом Валерий Маурис. Это был одаренный человек, игравший на музыкальных инструментах, хотя не имел специального образования. Так что дети росли под аккомпанемент пианино. Театр Валерия Мауриса знали не только в Ярославле.

Мама Эвелины преподавала русский язык во второй школе, будучи одновременно ее директором. Параллельно училась в пединституте. На последнем курсе, получив диплом, родила четвертую дочь. Одержимость – таким словом можно определить смысл жизни этой женщины, влюбленной в свою профессию. Не случайно три ее дочери пошли по стопам матери, окончив Ярославский пединститут.

ТЯЖКОЕ ПРЕДЧУВСТВИЕ

Это его последнее послание жене написано накануне отъезда в армию. В нем надежда на будущее. Но до гибели Валерия Шулепина оставались считанные месяцы.

Он так надеялся на встречу «в шесть часов вечера после войны», когда жена накроет праздничный стол, а он попросит по-временить, достанет из-под клеенки, которой накрыт стол,

пушкинским почерком отец обращался к жене.

Время не пощадило бумагу. Сегодня письмо приходится составлять из отдельных кусочков. Но старинные черные чернила не выцвели, донося до нас его мысли:

«Какая-то странная скука сегодня, а часы с медленно движущимися стрелками дополняют ее. Вот смотрю на них, а стрелки, кажется, совсем не двигаются, а ведь еще пару дней назад они так

Скоро 4 часа. В квартире тишина, за окном ветер. Изредка он заходит в трубу, и тогда лягает вьюшка печи, а дальше тишина. Но хватит! К черту грусть. Чему быть, то будет. Грустить не время. Это уж так, по профессиональной привычке. Ведь помнишь, я говорил, что меня нельзя оставлять одного, «маленький», вот и получается так, а на самом деле – ничего особенного. «Если надо, если нужно, мы и юность отдадим». Правда, моя юность прошла, а все хочется еще

Даже когда все вернулись, где-то в глубине души теплилась надежда.

Валерий Михайлович очень любил живопись. Рисовал и сам. Перед уходом на фронт подарил младшим дочкам свои рисунки. Эвелине – кавказский пейзаж: голубое небо, розовые горы и облака. Краски были настолько нежны, что она запомнила их на всю жизнь. Генриетте достался красивый цветок. И еще одна реликвия хранится в семье – репродукция

АЗАЛИЯ НЕ РАСЦВЕЛА

письмо и зачитает его. О нем, уходя на смертный бой, он никому не сказал.

Не довелось. В конце 1942-го минометчик гвардейского стрелкового полка Валерий Шулепин пал смертью храбрых. Письмо пролежало несколько десятилетий. И лишь когда Фаина Алексеевна стала переезжать на новую квартиру, кто-то из дочерей приподнял с мамино стола клеенку и увидел пожелтевший прямоугольник бумаги. На нем летящим

стремительно бежали вперед, что не хватало времени наговориться и насмотреться на то, что вчера было дорого для меня.

Но сегодня они издеваются надо мной, мне хочется «скорее, скорее!» А часы да и бронзовый Пушкин, стоящий рядом, заставляют вспомнить моего любимого в свое время Есенина с его деревянными часами, которые «прохрипят мне двенадцатый час».

раз быть молодым, веселым, как в первые годы нашей с тобой жизни. Вспоминаю все хорошее прошлое, «не хочется думать о смерти, поверь мне».

И где бы я ни был, о тебе у меня останется самое хорошее воспоминание как о человеке, с которым впервые начал жить по-семейному. Ведь до тебя я был совсем другим, а потому, расставаясь с тобой на срок пока что неопределенный, прошу тебя не скучать, а если будет возможность, то поразвлекись изредка. Это тоже неплохо, но не забывай ребятишек и меня, а в остальном, любимая, все будет сно-ва хорошо. Валерий».

С войны он прислал несколько треугольничков с непрямым штампом «Проверено военной цензурой». В них – солдатские будни. Вера в победу. И непреодолимая надежда, что война закончится в сорок втором. Последний треугольник письма пришел в квартиру Шулепиных в августе сорок второго. Больше писем не было. Фаина Алексеевна ждала их до победы.

картины Валентина Серова «Девочка с персиками».

– Я долго не могла вспомнить причину, по которой эта картина сопровождает меня всю жизнь, – рассказывает Эвелина Валерьевна. – «Тайну» раскрыла сестра Неля: «Папа, когда ты был маленькой, повесил напротив кровати эту «Девочку». Она висела там всю войну, напоминая о чудесном и радостном мире, о котором приходилось лишь мечтать. В комнате холодно. Постоянно хочется есть. Мама весь день на работе. Взглянет Лиля (так звали Эвелину Валерьевну в детстве) на полотно и чувствует, как тепло из комнаты «Девочки» переходит к ней. Как хорошо сестра с ней рядом в окружении тепла и солнца, освещающего сад за окном. А взглянет девочки с картины обещает: «Жди, Лиля, придет это время».

– Так говорил и папа, – вспоминает Эвелина Валерьевна. – Уходя на фронт, он подарил маме цветок азалии. При этом сказал: «Скоро я возвращусь. Не позднее сорок второго. Но сначала зацветет азалия, сообщая об этом».

Однако азалия за все годы войны так и не расцвела.

Владимир ШИРЯЕВ.

Фото из семейного архива.